

## МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1992 В. В. МЕРЛИН

### ЛИТЕРАТУРА И ГРАММАТОЛОГИЯ: МЕТАФОРЫ ПИСЬМА У ПУШКИНА

An attempt is made in the article to treat from the poststructural point of view Pushkin's position as an allegory of the author's feeling «the world is the text».

В статье с постструктуралистских позиций предпринята попытка трактовки пушкинской поэзии как аллегии авторского ощущения «мир есть текст».

Классическое сравнение мира с Книгой уподобляло мир Аллегии и не могло само не быть аллегией: мир — это Книга, поскольку он обладает эзотерическим смыслом — теологическим или математическим; книга, которую нужно прочитать, аллегия, которую нужно расшифровать — з а к р ы т а я книга. Возвращение к «самому Бытию» у Хайдеггера превращает само Бытие в неустранимую метафору, онтологизирует Книгу (см. [1]). Книга открывается в текст, позволяет себя читать и п р я ч е т с я в т е к с т е, подразумевается как его смысл и «глубина».

Фактически вся война с метафизикой — вся история западного интеллекта — это война с Книгой: освобождение письма от власти «трансцендентного означаемого». В этом непризнанное родство просветительской и постмодернистской критики. Интеллектуальная революция XVIII в. — это реабилитация фонетического письма (в противовес аллегорическому письму средневековья и проекту идеографического письма Лейбница). Фонетическое письмо диктует «формы опыта» — линейность и дискретность. Кант сравнивает опыт с чтением по складам [2, с. 193]. Это чтение п е ч а т н о г о текста: печатная страница воплощает «аналитическое пространство классификации» [3, с. 214] — сеть «признаков», пронизывающую объекты природы. Объект определяется как набор признаков. Образ природы — типографский наборщик. Так возникают «ботанические каллиграммы» Линнея: «Хорошо, если бы крупным шрифтом печаталось то, что касается главных частей, маленькими — анализ „частей частей“» [3, с. 197].

Предел фонетического письма — «шизопоток» и «грамматекстуальность» французского постмодернизма [4—6]. Это письмо-графика, письмо письма. Среди своих означаемых оно теряет и просветительского «субъекта», но теряет в самом себе, в букве письма. Ареной освобождения письма, естественно, становится литература (термины *litterature*, *lettres* — французской чеканки XVIII в.). Просветительский роман превращает Книгу в театр письма, в письмо-процесс. Такое письмо возможно, если у него есть своя машина и матрица — печатный текст: его безостановочная «верстка» прерывается только собственными купюрами.

Радикальный проект письма осуществил «Арзамас» — «посткарамзинистское» объединение писателей. Арзамасский дискурс — это метафорическая деконструкция Книги, но вместе с тем и деконструкция Литературы как «трансцендентного означаемого» письма. Базовая метафора этого дискурса — «метафорический концепт» (см. [7, с. 390]) — метафора тела: Книга представлена